

Руслан ХАСБУЛАТОВ

ПРИОБРЕТЕНИЯ И ПОТЕРИ ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТНЕЙ ИСТОРИИ НОВЫХ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

Как после распада СССР развивались новые независимые страны? Как их политические и деловые элиты создавали свои государства? Какие у них достижения и поражения? Что приобрели народы этих стран и что они потеряли? Эти сложнейшие вопросы требуют фундаментальных исследований коллективов ученых и специалистов всех этих стран. Надо сказать, что они изучаются академическим сообществом и России, и других дружественных стран, и особенно активно — аналитиками Запада. Тем не менее, они требуют постоянного и более углубленного изучения, в особенности в связи с очевидным кризисом современного капитализма. В статье рассматриваются общие политические и экономические итоги новых независимых государств, образовавшихся после гибели СССР в декабре 1991 г., 25 лет назад. Значительное место уделено перспективам Европейско-Азиатского экономического союза.

Ключевые слова: азиатские «анклавы», ЕАЭС как механизм решения пограничных конфликтов, Европейский союз, конфликты в Закавказье, Содружество Независимых Государств, Союзное государство, СССР, Таможенный союз

8 декабря 1991 г. в дачном поселке «Вискули» (охотничье хозяйство для высокопоставленных товарищей СССР и их гостей), в глубине знаменитой Беловежской пуши, вблизи границ с Польшей, руководители трех «славянских» республик в составе СССР подписали ряд соглашений, которые предусматривали «ропуск» Советского Союза (как «геополитической реальности» — так напыщенно объявлялось об этом событии) и создание Содружества Независимых Государств (далее — СНГ)¹.

¹ В связи с 25-летием распада СССР и образованием новых независимых государств международный авторский коллектив (на базе кафедры «Мировая экономика» РЭУ им. Г.В. Плеханова) подготовил к изданию двухтомную монографию «Экономика и политика Европейско-Азиатских стран» (под руководством чл.-корр. РАН Р.И. Хасбулатова).

Что потерял мир?

На самом деле это была *геополитическая катастрофа*, разрушившая всемирное равновесие, поддерживаемое двумя сверхдержавами (США и СССР), каждая из которых возглавляла соответствующие мировые подсистемы: СССР — мировой социализм и примыкающий к ней огромный пласт развивающихся стран и национально-освободительные движения, жестко им контролировавшиеся. США доминировали в капиталистическом мире и в другой части стран «третьего мира». И, соответственно, никаких неконтролируемых, тем более вооруженных, конфликтов в мире не происходило. Мир, условно говоря, держался на двух ногах, наподобие Геркулесовых столпов.

Огромная притягательная сила СССР заключалась в социалистической природе государства на коллективистских началах, противоположных капиталистическому, с его абсолютизацией индивидуальной личности. Реальное равенство и социальная справедливость *были реализованы на практике, а не были лишь целью*. Я вовсе не закрываю глаза на те отступления от законности и идей социализма, произвол и насилие, которые были свойственны эпохе Сталина; сам вырос в неволе — в депортации, на самом севере Казахстана, фактически в Сибири. С детства знал, и не из книг Солженицына, о чудовищных преступлениях сталинского режима против своих народов. Уже с тех, детских лет органически впитал в сознание ненависть к любым диктатурам и тирании.

Но я здесь анализирую ту уникальную систему советского социализма, который реально утвердился на огромных пространствах бывшей полуазиатской Российской империи, позже — в других странах Восточной Европы. И только советский социализм мог поднять народ на тот уровень социально-культурного и технологического прогресса, который позволил создать первоклассную мировую державу с замечательным общественным строем и быстро растущим уровнем жизни населения, высочайшим уровнем науки и технологий, превосходной системой образования и коллективистским духом общественной психологии и отношений людей на дружественных началах, взаимной помощи. Эти достижения в 90-е гг. высмеивали либеральные идеологи через СМИ. Но ныне, когда воцарился дух вражды и недоброжелательности между людьми, двери домов и квартир стали железными, и городские кварталы (даже в столице) обнесли высоченными стальными заборами, — уже не до высмеиваний былых, оставшихся в прошлом отношений дружбы и соучастия между людьми, которые я запомнил с детских лет и которые существовали до того периода, когда я сам, находясь на самом высоком посту в государстве, активно способствовал трансформации социализма в капитализм.

Превосходное образование и медицина, самая передовая наука, минимальный разрыв в оплате труда между разными социальными группами (хотя при сравнительно скромных зарплатах и пенсиях), возможность каждого сообщить о фактах несправедливости в самые разные инстанции, вплоть до Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР. И уверенность в том, что тебя услышат, и власти обязательно отреагируют должным образом — все это стало всеобщим правилом, начиная с «хрущевской оттепели». Система эволюционировала в направлении реального гуманистического социализма.

И этот общественный строй был, безусловно, строем высшего порядка в цивилизованном развитии мира XX в. по сравнению с капитализмом. Кстати, и капитализм эволюционировал в направлении гуманистической, социальной направленности под мощным влиянием социализма. Так или иначе, набирала силу реальная *конвергенция*.

Распад СССР и восточно-европейской системы социализма, на мой взгляд, обозначил общий социально-культурный и политико-экономический откат цивилизации *на более низкий уровень развития* Мира.

Разрушение одного «Геркулесова столпа» мироустройства привело к неустойчивости глобальной системы международного порядка, сложившейся в результате Ялтинских и Потсдамских соглашений². В итоге сформировался однополюсный мир с абсолютным доминированием США. Мало кто ожидал, что он сохранится всего 10 лет, с 8 декабря 1991 г. до 11 сентября 2001 г., когда международный терроризм совершил атаку на США, унеся 3,5 тыс. человеческих жизней. С этого дня стало понятно, что США не всемогущи и не могут выполнять роль всемирного шерифа, которую ранее успешно выполняли две супердержавы. Это проявилось не только в 10-летней неудачной для США Афганской войне, еще более рельефно — на Большом Ближнем Востоке. Здесь американцы, вместе с союзниками, создали гигантский очаг «войны всех против всех», который ведет к вовлечению в него десятков государств с самыми драматическими последствиями, и конца этой трагедии не видно. Отсюда — новый интерес к изучению СССР, его внутренней и внешней политике, к странам, возникшим на его обломках.

Однако это только одна проблема в совокупности тех, которые возникли в связи с гибелью второй супердержавы.

Восприятие социализма на Западе

Мировая социалистическая система, включающая в себя Советский Союз, восточноевропейские страны, Югославию, Китай, Вьетнам, Северную Корею и Кубу, при всех их внутренних противоречиях с точки зрения Запада обычно оценивалась с использованием следующих «измерителей».

Во-первых, все эти страны априори считались «недемократическими», с бесспорным лидером Советским Союзом.

Во-вторых, эта Система считалась «зоной стабильности», политической и социальной устойчивости, относительной безопасности для человека, хотя и покоящейся на использовании авторитарных методов управления обществом и государством³.

В-третьих, признавался «средний» уровень хозяйственного развития СССР и стран Восточной Европы, позволяющий их гражданам не опасаться бедности, нищеты и быть уверенными в завтрашнем дне.

В-четвертых, все эти страны были социальными государствами. В них были необычайно развиты общественные блага и социальные отрасли (бесплатное образование, медицинская помощь, воспитание и содержание

² Выскажу свое мнение об этом событии: если бы не было Беловежских соглашений, а Президенту СССР Михаилу Горбачеву удалось бы подписать более или менее приемлемый Союзный договор в составе 8–9 республик, СССР смог бы в скором времени вернуть былые позиции.

³ Не случайно многие послы западных стран на закате своей карьеры просились для ее завершения в СССР с ее спокойной, стабильной и безопасной жизнью.

детей, подростков, материнства, всеобщее пенсионное обеспечение, курортная и оздоровительная системы и пр.); ЖКХ обходилось гражданам менее чем в десятую долю минимальной заработной платы.

В-пятых, со времени своего появления в 1917 г. социализм находился в конфронтации с капитализмом, и каждая из сторон стремилась сокрушить другую, вплоть до конца 40-х — начала 50-х гг. XX в. С этого периода началось мирное соревнование двух мировых систем, прежде всего в реальных показателях уровня и качества жизни людей. Однако СССР не сумел обеспечить рост благосостояния своих граждан на уровне Запада.

В-шестых, социализм сумел притянуть к себе почти половину стран третьего мира, оказывая им большую экономическую и научно-техническую помощь, тем самым основательно ограничив свои возможности для решения внутренних проблем.

В-седьмых, социализм в СССР и Восточной Европе не выдержал испытание демократией, которую хотел внедрить в его структуры Президент СССР Михаил Горбачев.

Такое понимание, в разных трактовках, и сегодня свойственно не только западной теоретической мысли, но и разделяется многими отечественными исследователями мирового социализма и причин гибели СССР. Распространена точка зрения, что социализм вообще был нежизнеспособной системой, отсюда делается вывод об «объективном характере его гибели». На мой взгляд, *это неверный вывод*. Он имеет субъективный, пропагандистский характер, в основе которого — попытки оправдать действия высших должностных лиц, которые привели к гибели эту уникальную социальную систему, а также представителей научно-экспертного сообщества, поддержавших распад СССР.

Одно из самых важных из упомянутых постулатов — устойчивость и стабильность системы, как и другое, не менее важное, безопасность — мгновенно улетучились.

И начало этому положил не путч ГКЧП 1991 г., а другие события.

В 1988 г. начались известные события в автономной области Нагорный Карабах, на которую Союзный центр *отреагировал весьма вяло* (надо было жестко наказать зачинщиков сепаратистских выступлений). Позже, на фоне общего ухудшения снабжения населения продовольствием и товарами народного потребления, последовали бунты в Узбекистане, потребовавшие «убрать» турок-месхетинцев (что малодушно выполнил Горбачев). Затем последовала война в Таджикистане, вылазки боевиков в Ферганской долине. Наметился раскол Молдавии на две части, а также — как аккорд безвольной керенщины, — ситуация в Прибалтике, сыгравшая роль «последней соломинки», повода августовской попытки избавиться от Горбачева со стороны части руководства СССР.

Все это породило брожение и анархию, укреплявшую мысль о вероятности «развода» СССР. Этому же способствовали бездействие Советской армии и КГБ СССР. Это они в первую очередь должны были обеспечить штатное функционирование Союзных властей. Но в самый ответственный момент для судеб Великого Государства оказались инертными, безвольными, социально и политически бесполезными. Авантюристы от политики, смеясь, подписали Беловежские соглашения 8 декабря 1991 г., объявившие о конце существования СССР.

Так закончилась драматическая история Советского Союза. Отмечу и то обстоятельство, что *к гибели этого великого государства не причастны США или другие страны Запада*. Причины его гибели — предельно неудачные реформы, в своей совокупности породившие кумулятивный эффект огромной разрушительной силы, а также разложение центрального ядра политического класса.

***Почему общество не усмотрело опасности в «ропуске»
СССР и в создании СНГ***

Происходящее в 90-е гг. становление отношений России с новыми государствами не давало основания для простых оценок, и, разумеется, многое было неясно. Возникал вопрос: складывается ли на руинах бывшего могучего государства общее пространство для миллионов людей, оправдывающее их надежды на то, что на каком-то этапе дезинтеграция сменится интеграцией? Какие тенденции возобладают — центробежные или центростремительные, делающие возможным или невозможным реализацию этих ожиданий?

Начну с того, что большинство из декларированных в декабре 1991 г. и поставленных перед СНГ целей *не реализовались*.

Соглашение о создании СНГ и последующие Алма-Атинские договоренности, направленные на создание новой межгосударственной общности на базе полной самостоятельности стран-участников, исходили из необходимости сохранения хозяйственных и культурных связей, единой системы коллективной обороны, ставили задачей недопущение установления границы между странами и иных препятствий в передвижении людей, товаров и финансовых ресурсов, а также общего гражданства. Все они, или почти все, были реализованы в незначительной своей части.

Провозглашение этих, заведомо нереальных задач (скорее с целью успокоить людей и не допустить их массовых протестов), ввело в сильнейшее заблуждение большинство общества, которое не выступало ни против социализма, ни за распад СССР (за выход из СССР на референдумах выступили прибалтийские республики, Армения, Молдавия и Грузия)⁴. За сохранение тесных разносторонних отношений с бывшими республиками СССР, в т.ч. через СНГ, было большинство стран, включая те из них, которые больше других ратовали за независимость (исключая три прибалтийские республики).

Когда же люди прочитали в текстах соглашений о СНГ, что они будут по-прежнему свободно передвигаться между республиками; сохранится единое гражданство, единая денежная система, им нечего беспокоиться о пенсионном будущем и т.д., они *успокоились, полагая, что изменилась всего лишь аббревиатура СССР*, хотя это изменение большинством также принято не было. Но, тем не менее, они никак не предполагали, что речь идет о *грандиозном обмане, о политическом мошенничестве* со стороны политиканствующих коммунистов-ренегатов, вступивших в заговор против государства (при попустительстве органов безопасности) и фактически тайно совершивших государственный переворот. К большому сожалению, парламенты Союзных республик вынуждены были ратифицировать эти «похабные» договоры, поскольку ни Союзный Президент, ни подчиненная ему Армия, МО, КГБ и администрация СССР не сделали даже попытки сопротивления.

⁴ В апреле того же года абсолютное большинство населения проголосовало на референдуме за сохранение СССР.

Приспособление к новым условиям новых государств было сложным, кое-где оно сопровождалось вооруженными конфликтами, когда все ограниченные ресурсы стран направлялись на преодоление угрозы распада новых стран. Появились миллионы мигрантов, ищущих работу или бегущих из опасных очагов конфликтов. Наивная вера, что обретение самостоятельности чуть ли не автоматически приведет к процветанию, быстро исчезла.

Особенно трудно пришлось странам, которые, «успешно» развалив промышленность, не могли предложить для внешней торговли, по сути, ничего, поскольку в их недрах не было нефти и газа, а добыча других ископаемых требовала крупных вложений и долгого времени окупаемости. Все 90-е гг. для новых стран были временем труднейших испытаний.

Оздоровление экономики, стабилизация уровня жизни населения при некотором ее улучшении стали в основном происходить с начала нового, XXI столетия, на что серьезно повлияли международные условия торговли: рост цен на нефть, газ и уголь, металлические и иные руды, хлопок, пшеницу и другие виды сырья, а также некоторое восстановление межгосударственных хозяйственных связей. Но, так или иначе, эти страны построили свои национальные государства. В то же время их большая часть, согласно международной статистике, входит в число стран с бедным населением, уровень обеспеченности которого материальными благами далек от достижений цивилизации и того уровня, который ими был достигнут при социализме. Более благоприятная «политическая среда» сложилась в Латвии, Литве и Эстонии, оказавшихся в орбите Европейского союза (далее — ЕС). Благодаря массовой финансовой помощи народам этих стран удалось избежать тех немыслимо трудных испытаний, которые обрушились на другие новые государства.

Однако *на все государства без исключения обрушилась волна деиндустриализации*, «вымывшая» многие современные технологические производства. Главная причина этого — почти полный разрыв хозяйственных связей, кроме редких случаев кооперированного оборонного комплекса⁵. Поэтому полноценное сотрудничество между предельно разбалансированными экономиками стало невозможным. В том же деструктивном направлении действовал и субъективный фактор (волютаризм, слабость кадров управления, командные методы руководства экономикой, утечка «мозгов» и пр.).

Условия и предпосылки успешной интеграции

Специалисты постоянно отмечают то обстоятельство, что экономическая интеграция часто воспринимается крайне упрощенно, а порой вульгарно. Зачастую ее сводят к простым формам внешней и межгосударственной торговли. Внешняя торговля — это важный компонент взаимовыгодного сотрудничества стран. Но она существовала всегда, со времени возникновения государств, и даже ранее — между племенами, имеющими общие границы. Необходимость же экономической интеграции наступает тогда, когда взаимная торговля *дополняется другими формами хозяйственного и финансового взаимодействия* — кооперацией производства, совместными проектами, растущим

⁵ Пример тому — сотрудничество в этой сфере между ВПК России и Украины, окончательно прервавшееся в процессе недавнего углубления кризиса в их взаимоотношениях.

объемом взаимного потока капитала и его перемещением, обмена рабочей силой и другими формами связей и взаимосвязей, выходящими далеко за пределы традиционной торговли. И чтобы интеграционная группа стала успешной, необходимо знать, какие для этого нужны условия и предпосылки.

Как показывают практика и опыт успешных интеграционных объединений в современном мире (а их мало среди 200 интеграционных групп), таких условий и предпосылок четыре.

Первое. Принцип лидерства.

Умелое лидерство, по крайней мере, одной страны в Группе, обладающей сильной экономикой и демонстрирующей успешное развитие, «страна-мотор». Она, несомненно, должна вкладывать больше ресурсов, чем другие, поскольку лидерство стоит денег. Со стороны других стран Группы должно быть во всяком случае моральное признание этого лидерства. Но это надо заслужить умелой политикой, уважительным отношением, предельной честностью во взаимоотношениях, безусловным доверием между лидерами.

Второе. Общие границы.

Участники интеграционной Группы должны иметь общие границы. С таких позиций, например, попытки Грузии стать членом ЕС — попросту нереальны. Она могла бы стать таковой, если бы, к примеру, Турция вступила в ЕС, а Грузия имеет с ней общую границу. Но у Турции нет перспектив вступления в Евросоюз в ближайшие десятилетия. Соответственно, нет таковых и у Грузии. Ей необходимо, тщательно взвесив свою ситуацию, идти на сближение с Россией. Собственно, это также относится к Армении, которая официально является членом ЕАЭС (с 1 января 2015 г.), но иметь полноценные интеграционные связи и отношения затруднительно из-за отсутствия общих границ с территорией ЕАЭС.

Третье. Институциональная адекватность.

Данное условие становится важнейшим для реального интеграционного строительства. Речь идет, во-первых, об общих правилах, адаптированных к условиям каждой страны, причем на определенный временной период; во-вторых, об однотипных институтах, регулирующих хозяйственный порядок; в-третьих, приблизительно сопоставимый уровень в развитии факторов производства.

Четвертое. Принцип субсидиарности.

Это универсальное правило, ставшее альфой и омегой на протяжении десятилетий в эволюции ЕЭС к ЕС. Оно предполагает принятие решений на том иерархическом уровне, где в наибольшей мере сочетаются интересы всей Группы, конкретной страны и конкретного региона⁶. Когда усилившаяся бюрократия в Брюсселе стала укреплять централизаторскую тенденцию, «размывая» национальные суверенитеты, а также появились претензии (и действия) Берлина к гегемонизму, это способствовало «размыванию» данного принципа — вот тогда и стали обнаруживаться кризисные элементы в этой уникальной интеграционной организации Европы (прямое следствие — референдум Великобритании, Брекзит). А эта реализация принципа субсидиарности стала характерной с периода ускоренного приема в ЕС — 15 стран Восточной

⁶ Согласно другой трактовке, содержание принципа субсидиарности в том, что вышестоящий уровень управления реализует полномочия нижнего уровня тогда, когда нижестоящий уровень управления не способен их осуществить (редактор).

Европы, не соответствующих стандартам, провозглашенным в основных документах Группы в период ее основания. С этого момента начала мощно развиваться централизаторская функция в ЕС, уничтожившая принцип субсидиарности. Сегодняшний миграционный кризис и выход Великобритании — это одно из проявлений такой деформации ЕС.

Этот принцип имеет универсальное значение и должен быть в полной мере реализован в ЕАЭС и других интеграционных группах.

Причины неудачи в интеграционном сотрудничестве СНГ

В рамках многочисленных договоров и соглашений, подписанных странами — участниками СНГ, создания множества разного рода организаций и бесчисленных заседаний, совещаний и решений, в т.ч. на высшем уровне, *практическое межстрановое сотрудничество было слабым*, за исключением торгово-экономических связей между Россией, Казахстаном и Белоруссией. Незначительны и взаимные инвестиции стран, в то время как более энергичные компании других государств стали активно участвовать в инвестиционном сотрудничестве с Казахстаном, Средней Азией, Закавказьем. По-видимому, это взаимное сотрудничество и не могло быть более успешным в силу ряда серьезных причин.

Лидеры СНГ — Россия, Казахстан, Белоруссия — были настолько ослаблены «реформами» (Белоруссия — в меньшей мере), что не могли ничего особенного предложить не только другим, но и самим себе. А Украина с самого начала «строительства СНГ» занимала особые позиции, считая себя частью «европейского мира», участвуя на некоторых совещаниях «постольку-поскольку», при индифферентном отношении других участников СНГ. При этом никто не напоминал ее руководству, что Украина была одним из главных инициаторов как «ропуска» СССР, так и создания СНГ, а потому не была вправе просто так отказаться от полноценного участия в этой организации⁷.

Правда, в 90-е гг. и сама Россия находилась в бедственном положении и ориентировалась исключительно на Запад, наивно ожидая от него «помощи»⁸. Поэтому правящая элита не рассматривала новые государства как приоритетное направление сотрудничества и довольно равнодушно относилась к тому, что происходит в них и по их внешнему периметру.

Ситуацию в новых государствах (помимо глубокого разрыва межстрановых хозяйственных связей, разрушения производственных коопераций) осложнили два важных обстоятельства.

Во-первых, запрет и изгнание коммунистической и социалистических партий и начало демонтажа социализма.

Это произошло в два этапа — после попытки августовского путча в 1991 г. и после ликвидации парламентарной республики в России в октябре 1993 г.

⁷ Да и кому это было напоминать, если некоторые высокие должностные лица в самой России публично заявляли, что «СНГ создана для „мягкого ропуска СССР“. А поскольку „эта задача выполнена, то и смысла дальнейшего существования этой организации не существует“».

⁸ Она поступала в форме гуманитарной помощи, основательно разворовывавшейся разного рода мошенниками во власти и около нее.

В результате новому политическому классу стран СНГ пришлось одновременно решать две сложнейшие задачи:

- создавать новые национальные государства на базе старых институтов усеченной республиканской власти;
- осуществить переход от социалистической экономической системы к капиталистической (в разного рода модификациях смешанной системы).

В решении этих двух предельно труднейших задач все делалось с использованием неизбежного в данном случае метода проб и ошибок (хотя ошибки никто не признает). Правда, иногда оглядывались на Россию — что можно использовать от того, что там натворили, а чего следует избегать.

Во-вторых, переход западных стран от социального (кейнсианского) государства к его суперлиберальной модели.

Это жесткий, четко ориентированный на интересы крупного финансового капитала, тип капитализма, отрицающий сострадание, помощь бедным, больным и слабым; нацеленный на отказ от государства всеобщего благоденствия, пытающийся полностью перевести общественные блага на рыночные основания, такие как образование, здравоохранение, культуру и искусство. Это тип капитализма, отрицающий личную скромность, народные традиции и обычаи, всецело направленный на потребление всего, что предлагают огромные сетевые маркеты ТНК и индивидуальную войну «всех против всех». Функция потребления в общественном воспроизводстве превратилась в потребительскую идеологию и поведенческую психологию массового потребителя; было положено начало гонке за денежным успехом, изгнания государства из экономики и тирании рынка, представшего в роли всеобщего, универсального уравнилителя и вершителя судеб человечества. И что самое страшное — это изгнание из человека Морали, верности слову и Чести, внедрение в общество сильнейших элементов его разложения — всеобщее поклонение исключительно деньгам и денежному успеху.

Почти столетие назад, в конце 20-х гг. XX в., замечательный американский экономист и социолог Торстейн Веблен написал блистательную книгу «Теория праздного класса». Содержащаяся в ней характеристика американского капитализма прекрасно иллюстрирует ту ужасающую трансформацию, которой подвергся политический и деловой класс в новых государствах. Против такого типа капитализма и восстал Верховный Совет России, который был пионером в переходе на рыночные отношения, но выступал за другую, альтернативную, гуманистическую модель капитализма.

После глобального кризиса 2008–2009 гг., когда эта модель капитализма — неолиберализм, потерпел поражение, стали появляться его противники, которые вдруг обнаружили его «внутренние изъяны».

Так, один из них, Колин Крауч, справедливо отмечает, что «неолиберальный капитализм лишил средний класс многих завоеваний социального государства, и пришло время начинать борьбу за возвращение этих завоеваний в новых условиях»⁹. Ну что же, начинайте, господа! — Мы в России ее вели в 1992–1993 гг. и проиграли, при молчаливом отношении к этой борьбе научно-экспертного сообщества Запада. И по сей день правитель-

⁹ Крауч К. Как сделать капитализм приемлемым для общества. М.: Изд-во Высшей школы экономики, 2016.

ственная социально-экономическая политика соответствует самым жестким требованиям «Вашингтонского консенсуса», который сами США никогда не проводили в жизнь в полной мере, хотя осуществили (в период Рейгана — Клинтона) беспредельную либерализацию финансовых рынков, «вымывая» материальное производство. Они навязали этот «консенсус» Брюсселю, который старательно, по-ученически, но самым жестким образом вколачивал его положения в европейские страны¹⁰.

Это совпадение по времени процесса рассмотренной эволюции мирового капитализма и трансформаций в новых государствах СНГ привело к тому, что формирующиеся в них общественные отношения изначально приобрели такие пороки, как коррупция властей и новых собственников. Армия западных идеологов «нового капитализма» в роли советников и консультантов ринулась во властные кабинеты стран СНГ, настоятельно «рекомендуя» распродавать все и вся частным лицам, приватизировать школы, больницы, университеты, науку, культуру, «освободить» правительства от ответственности за состояние экономики, поскольку «это — дело рынка» — всеобщего уравнилителя и аллокатора ресурсов. Многие, поддавшись этим рекомендациям, обрушили национальные экономики. Одновременно эти «советники» высмеивали СНГ как псевдоинтеграционную группу, внушая мысль, что Кремль стремится к «восстановлению империи». Видимо, не случайно Запад с самого начала занял позицию непризнания интеграционных групп в границах бывшего СССР, предпочитая исключительно двусторонние отношения с новыми странами.

Позитивные сдвиги: от СНГ и Таможенного союза — к ЕАЭС

Ситуация стала изменяться к лучшему примерно с начала второго десятилетия нулевых. Некоторые из участников СНГ — Россия, Белоруссия, Казахстан, Узбекистан, Азербайджан, а также Туркмения, ощутимо укрепили свои экономики и финансы, повысили уровень жизни населения, используя значительные денежные ресурсы, поступившие в результате высоких цен на нефть и газ (отмечу, Беларусь и Узбекистан не допустили критического разрушения промышленности и сельского хозяйства). Это оказало определенный мультипликационный эффект и на другие страны Содружества, что позволило в определенной мере стабилизировать внутреннюю обстановку в них, а также несколько улучшить деятельность Союзного государства Россия — Беларусь.

К этому периоду, можно отметить, Россия, при сильной поддержке Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева, вернулась к «проекту СНГ» только в более узком и жизнеспособном варианте. Эта группа стран-лидеров, на базе Таможенного союза, создала в январе 2015 г. Европейско-Азиатский экономический Союз (далее — ЕАЭС). Вначале это был Союз в составе России, Беларуси и Казахстана. Вскоре к нему присоединились Армения и Киргизия. Сильным мотивом к созданию Союза, несомненно, послужили уроки «сердечной дружбы» России с Западом (да и других стран), *результаты которой весьма противоречивы*. Договор о его создании был заключен уже в

¹⁰ Об этом, кстати, президенту США Дж. Бушу напомнили в 2008 г. президент Франции Саркози и канцлер Германии Меркель на Лондонском саммите G-20, обвинив США в глобальном кризисе и обвале финансовых рынков.

условиях появления нового витка противоречий России с Западом (но — до украинских событий) по широкому комплексу экономических, военно-стратегических, правовых и гуманитарных проблем, приближением НАТО к границам России и ее союзников. И, скорее всего, они подтолкнули этот договорный процесс.

Но не только российские интересы находятся в основе появления новой интеграционной группы. Страны-участники убедились в том, что им не на кого положиться в решении своих нарастающих проблем в этом усложняющемся и становящимся опасным мире, кроме как на самих себя. По мере того, как эта реальность (данность) будет проникать в сознание политического класса других новых государств, они, как мне представляется, также войдут в эту Группу и станут его участниками. Важно то, чтобы эта интеграционная Группа добивалась ощутимых успехов в достижении поставленных задач.

Ограничения и противоречия в интеграции новых государств и варианты их решений

Во взаимоотношениях стран по ЕАЭС (и даже между двумя членами Союзного государства) перманентно возникают противоречия по разным вопросам (по поставкам нефти, сельскохозяйственных и молочных продуктов и т.д.). С одной стороны, это следствие недостаточной проработанности механизма взаимодействия; с другой — объективный результат структурных ограничений экономики стран. Россия, как наиболее крупная и технологически развитая страна, тем не менее, не может осуществлять поставки обширного списка товаров высокого качества. Отсюда — проблемы, которые необходимо решать грамотно, энергично, в интересах всего Союза.

В свою очередь и страны ЕАЭС не в состоянии направить крупные потоки своих товаров на российский рынок, в силу их предельной ограниченности либо отсутствия потребности в них в России. Поэтому торгово-экономические связи каждой из стран ЕАЭС между собой имеют скромные величины, в некоторых случаях на уровне статистической погрешности. Отсюда основные торговые партнеры России — вне пределов ЕАЭС. В основном это страны Европейского союза, отчасти — Китай, Турция, Индия, Египет и др.

Если не изменить эту ситуацию, скорее всего, ЕАЭС превратится в подобие «второго СНГ». И это может быть последним историческим шансом к сближению. Нельзя не видеть, что на периферии ЕАЭС усиливаются государства, способные предложить условия для сближения и установления более тесных торгово-экономических отношений, возможно, на более выгодных условиях. В перспективе *они вряд ли будут особенно выгодными* по сравнению с естественными связями в рамках ЕАЭС. Но в силу ограниченности маневра и с учетом конкретных потребностей стран такие «сигналы» могут быть восприняты.

Все это надо иметь в виду, когда российская сторона отстаивает «свои интересы», например, в вопросах цены на нефть в переговорах с той же Беларусью (что означает в таком случае понятие «Союзное государство?»). А эта страна не только участник СНГ, но и член ЕАЭС, а также важный западный форпост России. За это тоже надо платить, а не поднимать шумиху

в прессе. Если каждый отстаивает свои исключительные интересы и не готов пожертвовать чем-то, имеющимся в его распоряжении, в пользу других — никакой экономической интеграции никогда не получится.

Еще одна проблема — необходимость в важных переговорах дополнить профессиональную дипломатию умелой экономической дипломатией высокого уровня. К чему *приводит замена на переговорах дипломатов представителями хозяйствующих организаций*, мы видим на примере Украины¹¹.

Экономическая интеграция группы стран предполагает (кроме изложенных ранее критериев), что основные товарные потоки и общая экономическая и финансовая активность субъектов рынка осуществляются *внутри интеграционной группы*. Классическим примером этого является Евросоюз, в котором даже такая мощная экономически Германия, направляя на внешние рынки огромные потоки своих товаров и услуг, ориентирует их размещение на страны ЕС.

Сегодня ЕАЭС *не является де-факто интеграционной группой*. Она только провозгласила намерение стать таковой. Чтобы реально обеспечить взаимовыгодную интеграцию, необходимо создавать множество современных производств на базе регионального разделения труда, используя, во-первых, естественные (и приобретенные) преимущества каждого из участников; во-вторых, вписывая эти производства в общую производственно-территориальную схему их размещения; в-третьих, осуществляя планирование этих процессов на уровне ЕС (в Брюсселе это осуществляется не хуже, чем в бывшем СССР). Хотелось бы надеяться, что уроки планирования не окончательно забыты на постсоветском пространстве и сохранились кадры, умеющие профессионально делать эту работу¹².

Так, например, было бы целесообразно осуществить тщательный анализ предлагаемого Китаем проекта развития Экономического пояса Шелкового пути с тем, чтобы более рационально вплести этот проект в национальные и совместные (Союзные) программы развития. Это в свою очередь повлечет за собой необходимость разработки целой группы интересных и чрезвычайно полезных для Союза проектов (логистических, транспортных, производственных и т.д.)

Территориальные и этнические конфликты и противоречия

Серьезно осложняет общую интеграционную среду неурегулированность пограничных межэтнических противоречий между Узбекистаном, Киргизией и Таджикистаном; в Закавказье — между Арменией и Азербайджаном, между Россией и Грузией. В первых из них все еще действуют национальные анклавные (с советских времен) и они часто взрываются серьезными конфликтами. Возможно, механизмы ЕАЭС позволят каким-то образом развязать эти проблемы¹³.

¹¹ Многие годы вопросы взаимоотношения двух стран были отданы чуть ли не на откуп известной энергетической компании, которой «помогал» российский посол, «прославившийся» лишением льгот пенсионеров.

¹² При этом не следует путать «планирование» с «прогнозированием» (это направление исследований находится на предельно низком уровне).

¹³ Интересно, что новые государства, успешно решая спорные территориальные проблемы с третьими странами, между собой никак не договариваются.

Опасный характер имеет длящийся уже почти три десятилетия конфликт между Арменией и Азербайджаном. Любой пограничный конфликт, сколько бы он ни продолжался, взрывается большой войной. Надо иметь в резерве и такой крайне радикальный институт, который может реализоваться в случае новой кровопролитной войны, как Международный Суд и ввод войск ООН, и «принуждение к миру». Соответственно, представляется, что активная посредническая роль группы стран ЕАЭС могла бы принести позитивные плоды в этом конфликте. Попытка его затянуть ни к чему хорошему не приведет: рано или поздно придется пойти на уступки и прийти к мирному решению. В случае позитивного исхода переговоров в рамках Союза Азербайджан мог бы стать членом ЕАЭС, каковым является Армения. Компромисс — это неизбежность, и рано или поздно (лучше рано) две страны придут к нему. Их лидерам нужно проявить мужество и пойти на решительный прорыв в переговорах с целью найти этот компромисс, в т.ч. в рамках ЕАЭС. Им надо попытаться убедить свои народы в возможности достижения мирного исхода конфликта только на компромиссной основе.

Не менее сложная проблема — это необходимость восстановления отношений с исторически близкой к русскому народу Грузией. Аналитики часто забывают, что Грузия (в отличие от Азербайджана и Армении, являющихся географически в значительной мере частью Малой или Передней Азии) — это кавказская страна, населенная кавказским аборигенным народом, имеющим тысячи родственных, культурных, исторических, этнических и иных корней (независимо от религии), общих обычаев и традиций с другими кавказскими народами. Кавказ всегда был единым. С этой точки зрения Кавказ — это *многоэтническая целостность*, не подлежащая разрыву.

Что поделаешь? Случилась беда, кому-то захотелось перенести границы Грузии за Атлантический океан — изначально гнилая идея. Происшедшая война и как следствие отход двух национальных образований от Грузии — тяжелый удар, который трудно принять не только с точки зрения национальной гордости замечательного грузинского народа, но и в экономическом значении. Надо понять, и, скорее всего, это понимается: *«отвоевать» утраченное — практически невозможно, но смириться — трудно*. Следовательно, надо искать иной путь, способный каким-то образом минимизировать потери. При этом грузинской стороне следует осознать жесткую реальность — ни ЕС, ни Америка, ни НАТО не могут (и не будут) решать ее проблемы. Единственный путь их решения — опора на соседей, с которыми страна жила в дружбе и братстве несколько веков. Это близкие грузинам кавказские народы, которые болезненно переживали войну с Россией и сочувствовали грузинам; Азербайджан и Армения, с которыми грузинам тоже надо дружить, сотрудничать и радоваться общим удачам — как это было ранее. Других союзников у Грузии нет и даже при огромном желании не предвидится.

Как решить проблему?

Возможно, Грузия, а также Абхазия и Южная Осетия, могли бы войти в ЕАЭС. И, соответственно, в его рамках для этих трех новых субъектов ЕАЭС можно было бы создать особый режим, разумеется, согласованный со всеми членами ЕАЭС. Он должен предусмотреть свободное перемещение не только в области хозяйственно-финансового сотрудничества, реализации общих задач интеграционной группы, но и неограниченное передвижение людей, в частности, грузин, живших в обеих этих республиках в довоенное время.

Другими словами, такой подход решает важнейшие вопросы репатриации грузинского населения, для которых Абхазия и Северная Осетия — это их Родина, как и для абхазцев, и осетин; для всех них, собственно, Грузия тоже должна стать Родиной.

Ссылки на то, что «война и жертвы навсегда развели народы» — спекуляция. Посмотрите на соседнюю Чечню, где жертв было в сотни раз больше. А какова в ней сегодня ситуация? Стоит поучиться делать выводы. Скажем и следующее — Абхазия и Южная Осетия в настоящее время далеки от того, чтобы их воспринимать как независимые государства, а их содержание дорого обходится народам России. Это все должно быть осознано в их обществах, если дело дойдет до реализации этого в общем-то экстравагантного плана, хотя, на мой взгляд, вполне реалистичного (как и в случае с Арменией и Азербайджаном). Повторю: *любой конфликт должен когда-то, рано или поздно, быть решен, но лучше рано, чем поздно.*

Как представляется, институты, созданные в рамках ЕАЭС, возможно, во взаимодействии с ОКДБ, могли бы, при поддержке лидеров стран, более активно участвовать в разрешении территориальных конфликтов, поскольку их существование не только тормозит интеграционный процесс, это не дает саму возможность решать задачи комбинированного развития международных кооперационных связей. Это должно стать одной из приоритетных задач ЕАЭС наряду с общей устремленностью в решении как национальных задач развития, так и создания кумулятивного эффекта реализации общих программ в области промышленности, модернизации производства, разработки и внедрения новой техники и технологий. Для этого целесообразно разработать перспективные (долгосрочные) планы в области научно-технического прогресса, в т.ч. на базе существующих в России крупных научных центров (институтах РАН, университетах). Сотрудничество должно быть широким, по многим направлениям, в которых реально заинтересованы дружественные страны.

Все это — уже настоятельная необходимость, поскольку мир двигают не только высокие технологии, революционизирующие производство товаров и услуг, но и непрерывно возникающие повсюду чрезвычайно опасные вооруженные конфликты. Они свидетельствуют о том, что даже крупные и сильные государства не всегда могут оградить себя от спонтанных атак «новых гуннов» XXI столетия.

Поэтому новые страны, исторически близкие, имеющие многовековые общие судьбы, должны сближаться, не бояться трудностей на этом пути, отбрасывать предрассудки относительно того, кому это более выгодно. Надо добиваться общей пользы на благо всех народов новых независимых государств.